

ПРИГЛАШАЕТ ХОРОШАЯ КВАРТИРА

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ «АХМАТОВКИ»

Большая Ордынка, дом 17, кв. 13. Это место мелькает в русской литературе чаще, чем какое-либо другое, поскольку здесь с 1938 года до самой кончины в 1966 году часто останавливалась, приезжая из Ленинграда, и подолгу жила Анна Андреевна Ахматова...

Бродский писал в «Рождественском романсе»:

*Плывет в тоске необъяснимой
пчелиный хор сомнамбул, пьянчик.
В ночной столице фотоснимок
печально сделал иностранец,
и выезжает на Ордынку
такси с большими седоками,
и мертвецы стоят в обнимку
с особняками...*

И это очень верное состояние. Бродский жил здесь до ареста. Нобелевский лауреат в будущем, «тунец» по определению властей в настоящем (12 февраля 1964 года арестован и осужден на 5 лет с обязательным привлечением к физическому труду). Много позже Бродский скажет в своей Нобелевской лекции: «... оказаться внезапно на этой трибуне — большая неловкость и испытание. Ощущение это усугубляется не столько мыслью о тех, кто стоял здесь до меня, сколько памятью о тех, кого эта честь миновала, кто не смог обратиться что называется «урби эт орби» с этой трибуны и чье общее молчание как бы ищет и не находит себе в вас выхода. Единственное, что может примирить вас с подобным положением, это то простое соображение, что — по причинам прежде всего стилистическим — писатель не может говорить за писателя, особенно — поэт за поэта; что окажется на этой трибуне Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Роберт Фрост, Анна Ахматова, Уистен Оден, они невольно говорили бы именно за самих себя и, возможно, тоже испытывали бы некоторую неловкость».

Оглядываясь в то время недомолвок и шепота, когда «оттепель» миновала, а перспективы рисовались в тонах, с восхищением думаешь о смелости Виктора Ефимовича Ардова и его жены Нины Антоновны Ольшевской в буквальном смысле открывшим диссидентский (как сказали бы теперь) салон, где собирались лучшие люди своего времени, где звучали крамольные речи и правила, опередившие социалистическую эпоху свободы слова, собраний и манифестаций.

Как только Ахматова появлялась в квартире Ардовых, так сразу начиналось то, что Пастернак образно назвал «ахматовка». Это не название, это — состояние. Поток посетителей с трудом поддавался учету. Телефон звонил непрерывно. Сюда приходили многочисленные поклонники и друзья, здесь назначались важнейшие встречи, связанные с надеждами на издание стихов. В последние годы этот поток все возрастал: многие молодые поэты (а ведь и Бродский был молодым, и Рейн...) стремились увидеть Ахматову, да и просто получить автограф (надо сказать, что 60-е годы были отмечены каким-то безумным, всенародным всплеском любви к поэзии). Дверь практически не запиралась.

Как тут не вспомнить Окуджаву: «Не запирайте вашу дверь, пусть будет дверь открыта». Анна Андреевна помещалась в крошечной комнате Алексея Баталова (старшего сына жены Ардова, Н.А. Ольшевской), а так как в квартире очень высокие потолки (дом построен в XVIII веке в два этажа; еще три этажа достроили впоследствии), комната напоминала колодезь. В этой комнатке до войны Ахматову посетила Марина Цветаева.

Наверное, нет другой такой квартиры, которая бы была связана с именами сразу троих нобелевских лауреатов! Александр Солженицын в пору своего грандиозного дебюта в «Новом мире» с повестью «Один день Ивана Денисовича», приходил сюда к Ахматовой читать свои стихи; в другой раз читал пришедшему к Ардовым «всеуму» «Современнику» (Борис Ардов был актером в этом театре) свою пьесу в стихах «Олень и шалашовка».

Борису Пастернаку ставили специаль-

ный столик в кабинете перед открытой дверью чащовой, где было полным-полно слушателей, за которым он читал «Доктора Живаго» и переводы из Фауста.

В эту квартиру, к матери (Ахматовой), пришел из заключения Лев Николаевич Гумилев. Сюда, отбыв срок во Владимирской тюрьме, сразу же пришла Лидия Русланова, и некоторое время жила.

Писатель Виктор Ардов переехал в эту квартиру в 1938 году из Лаврушинского переулка путем обмена. Он не мог долее жить в писательском муравейнике под пристальным оком стукачей. До Лаврушинского — Ардов с Ольшевской жили в Нащокинском переулке (ул. Фурманова, многожды описанная в литературе, в том числе в «Дневнике» Юрия Нагибина), где жили Мандельштам и Булгаков... Уж Мандельштам бы обязательно побывал на легендарной Ордынке, если бы не погиб в том же 1938-м на пересылке во Владивостоке...

Любила власть своих поэтов. Душила, расстреливала, призывала к самоубийству. Теперь тоже любит: выталкивает из страны и «бьет рублем, очень хорошо!» (Маяковский). Издательства гибнут, система распространения серьезной отечественной литературы разрушена. Идет интенсивное понижение уровня нашей культуры. Высокая культура доходов не дает. Где же выход? В создании своих книжных лавок для интеллигентного читателя (аристократа духа), сети таких лавок по всей России. Я уже писал на страницах «Вечерки» о созданной оптовой книж-

Виктор Ардов,
Лидия Русланова и
Леонид Утесов

ной базе «У Сытина» на Пятницкой, 73. О руководителе этой базы талантливым книжнике Юрии Георгиевиче Никитине. Теперь дело состоит в том, чтобы при этом центральном оптовике возникали то тут то там книжные киоски, салоны, лавки. Нас много, настоящих читателей, только мы несколько приуныли под натиском демократического ширпотреба, в основном американского.

Там, где правят деньги, там наблюдается понижение этого уровня культуры. Если рассматривать общество как пирамиду, то в основании — народ, мало интересующийся культурой, литературой, в частности; а вершина — живущий духом подвижник. Для подвижника деньги — вода, которая должна толкнуть лопасти турбины. И только. Подвижников мало. От этого — падение тиражей. Только что переизданные «Записки об Ахматовой» Лидии Корнеевны Чуковской, выпущены тиражом всего 5 тысяч экземпляров!

На мой взгляд, нужно стремиться к тому, чтобы вершина пирамиды постоянно расширялась, а основание — бескультурье! — сужалось. Тогда в конечном итоге мы получим перевернутую пирамиду, когда острое необразованности будет воткнуто в землю, а широчайшая вершина образованности воспарит в небо и принесет в мир гармонию и благоденствие.

Но для этого нужно пережить кризис и

Один из последних снимков
Анны Ахматовой

упоение попой. Деньги пока поставлены в России во главу угла. Вот что обидно. Никогда такого в России не было, даже в самый бурный рост капитализма в 1913 году! Все как будто с цепи сорвались, как Пушкинский Герман, мечтающий о крупном выигрыше. Огромный, неповоротливый корабль страны пытаются вести старыми способами. Бюджет скрипит, как ружье этого корабля.

Стыдно, товарищи! Идите и работайте без бюджета. Никогда еще такого не было в России, чтобы забастовали и вышли на улицу деятели культуры. А почему музейные работники не открыли у себя книжные лавки серьезной литературы? Почему не ведут работу в массах? Почему в армию сгребают всех юношей скопом? Почему столько бездарных учителей и врачей? Почему число чиновников множится со скоростью звука и сборщики податей достали уже бедного производителя? Гоголь, видимо, виноват, что возвел в бессмертие чиновника! Или Пушкин?

Не налоги нужно увеличивать, а сокращать аппарат и всю эту армию присосавшихся к бюджету, сокращать, сокращать, сокращать, как завещал товарищ Ленин, скажу с иронией.

Конечно, стыдно за деятель культуры, влачащих нищенское существование на фоне джипов и мерсов аппарата. Но и бездеятельных деятелей культуры на джипах и мерсах на фоне нищих аппаратчиков представить совестно! Значит, дело в чем-то ином, глубинном, философском, подсознательном.

Имя бюджетникам — обломовщина. То есть — литературный образ. И о чем бы мы ни говорили, обязательно придем к литературе. Потому что литература — это все, включая Библию.

Кризис в стране — от незнания русской классической и современной литературы. А чтобы узнать ее — нужно прийти в мемориальную квартиру Ардовых и купить книгу, и увидеть комнату Ахматовой,

и понять, что «у вечности ворует всякий, а вечность как морской песок» (Мандельштам).

Из Ахматовой:
*...И ты мне все простишь:
И даже то, что я не молодая,
И даже то, что с именем моим,
Как с благостным огнем тлетворный
дым,*

Слилась навеки клевета глухая.

Теперь к «Ахматовскому культурному центру», зарегистрированному Борисом Ардовым, сыном Виктора Ардова пришло мое издательство «Книжный сад», чтобы возродить мемориальную квартиру, вдохнуть в нее жизнь, чтобы сюда вновь потянулась творческая интеллигенция, чтобы здесь были лучшие книги русской современной и классической прозы, поэзии, литературоведения и критики, чтобы проводились лекции и экскурсии, чтобы звучали стихи в исполнении авторов, чтобы писатели читали свои новые произведения и сами представителями свои книги с автографами, чтобы посетители видели как жили выдающиеся люди тридцатых, сороковых, пятидесятых, шестидесятых годов нашего трагического и великого XX века...

Пусть будет дверь открыта...

Юрий КУВАЛДИН,
писатель, директор издательства
«Книжный сад»